

28-62

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.ДЖАХИШВИЛИ

На правах рукописи

УДК 9 (42)

ЦИНЦАДЗЕ ИОСИФ ПАЗЛОВИЧ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ БРИТАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ
(на примере Нигерии)

Специальность - 07.00.13 - Всеобщая
история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Тбилиси - 1990

Работа выполнена в Центре научной информации по общественным наукам АН СССР и в Центре по изучению межнациональных отношений АН СССР.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, член-корр.

АН СССР Солодовников В.Г.

доктор исторических наук

Яблочков Л.Я.

доктор исторических наук

Чхеидзе А.Е.

кандидат юридических наук

Бараташвили Д.И.

Ведущая организация - Институт всеобщей истории АН СССР.

Защита состоится "14" XII 1990 года в "14⁰⁰" часов на заседании специализированного совета Д 057.03.15 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности Всеобщая история при Тбилисском государственном университете им.И.Джавахидзе.

Автореферат разослан "12" XI 1990 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор исторических наук,
профессор

Н. Антадзе К.Д.АНТАДЗЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В истории человечества особое место занимает период колониального правления целыми континентами и народами. Несмотря на то что в целом колониализму уже дана научная оценка, отдельные страницы его истории и функционирования до сегодняшнего дня являются спорными в мировой научной литературе. Одним из таких "белых пятен", с точки зрения всестороннего изучения и оценки, можно считать систему "косвенного управления" британской колониальной администрации в Африке.

Наряду с вышесказанным, нельзя отрицать и того факта, что западные исследователи систематически проявляли и проявляют повышенный интерес к механизму британской колониальной администрации. Вместе с тем западные, в первую очередь английские историки, по сей день склонны утверждать, что именно благодаря системе "косвенного управления" страны Африки (британские колонии) достигли независимости без глубоких социально-политических потрясений, точнее, их подготовила система, которая сначала не отстранила местных традиционных правителей от управления, а позже безболезненно передала им всю полноту власти. Можно без преувеличения сказать, что в пропагандистском плане система "косвенного управления" пока все еще не развенчена с научной объективностью и убедительностью. Если западные ученые и критикуют ее отдельные аспекты и звенья, они в целом сходятся в том, что у нее больше достоинств, чем пороков.

Актуальность всестороннего изучения системы "косвенного управления" подтверждается и сегодняшним положением большинства стран Африки. Где искать причины того, что трех десятилетий независимости оказалось недостаточно для обеспечения устойчивой демо-

кратии и социального прогресса? Гражданские войны, военные перевороты и экстремистские вспышки трайболизма в той или иной степени являются прямым результатом системы "косвенного управления", которая в решающий для развития народов Африки период искусственно сохраняла традиционные институты и формы правления, препятствуя появлению и росту прогрессивных сил.

Актуальность исследуемой проблемы обуславливается еще и тем, что и по сегодняшний день в ряде стран тропической Африки "законсервированные" в свое время англичанами феодально-патриархальные слои общества все еще являются дееспособной силой. В определенной степени этим и объясняется долголетие трайболизма. Неудивительно, что даже в век космоса африканские государства сталкиваются с сопротивлением, которое оказывает трайболизм как только вопрос касается попытки организации народа в единый Национальный фронт. С уверенностью можно сказать, что в Нигерии положение осложняется еще и результатами "косвенного управления". Так что полное раскрытие заложенных в системе колонизаторами принципов и целей, их научный анализ будет способствовать окончательному изжитию последних наследственных пороков, которые являются в колониальной системе управления минами замедленного действия.

Глубоко научный анализ традиционных для большинства молодых государств последствий колониального управления (как прямого, так и косвенного) во многом помог бы народам и бывшей советской империи в строительстве независимых, демократических обществ, и что главное, обеспечил бы внутривнутриполитическую стабильность, снял бы опасность межэтнических конфликтов и гражданских войн.

Необходимость всестороннего изучения практики непрямого управления поработанными народами в наши дни диктуется серьезными и глубокими политическими катаклизмами советской системы. В процессе демонтажа имперских структур центральной власти и перехода на органически новые принципы взаимоотношений центра с республиками изучение и анализ механизма непрямого управления с возможными последствиями далеко выходит за черты чисто научно-академического интереса.

Воздерживаясь от далеко идущих выводов, нам не кажется абсолютно неубедительным тезис о концептуальном сходстве системы "косвенного управления" с отдельными элементами советского имперского механизма власти.

Предмет исследования. Представленная к защите диссертация является комплексным исследованием становления и функционирования системы "косвенного управления" британской колониальной администрации. Ввиду того, что Нигерия сыграла роль своеобразной лаборатории, где были апробированы как отдельные элементы, так и весь механизм изучаемой системы, эта страна и была избрана исследовательским "полигоном". Кроме того, что Нигерия - одна из крупнейших стран Африки, ее отдельные районы - христианский Юг и мусульманский Север во многом отличаются друг от друга.

Последнее наложило свой отпечаток как на процесс становления системы, так и на характер ее эффективности.

В Нигерии на протяжении нескольких десятилетий многие губернаторы пытались по-своему модернизировать систему "косвенного управления", внести в нее изменения, приспособить ее к быстро меняющейся действительности.

Необходимость более детально проследить становление систе-

мы "косвенного управления", степень ее сопротивления системе местных народов, стадий ее генезиса и ее конечных результатов диктуются историко-хронологические рамки диссертации: от первых актов колонизации Нигерии практически до завоевания ее независимости.

Теоретической и методологической основой исследования явились труды основоположников марксизма-ленинизма, а также отдельные положения по актуальным аспектам национально-освободительного движения.

Для понимания роли колоний и становления капиталистического способа производства, для уяснения механизма и структуры британской колониальной политики важное значение имеют труды К.Маркса "Капитал", "Британское владычество в Индии" и другие.

Цель и задачи исследования. Целью представляемой к защите диссертации явилось конкретно-историческое исследование становления и функционирования британской системы колониального управления, вошедшей в историю под названием системы "косвенного управления". Что касается главных задач исследования, они обозначены таким образом:

- раскрыть роль и место функциональной школы английской этнографии в колониальной политике Великобритании;
- изучить историю проникновения Великобритании в Нигерию, роль торговых компаний в процессе колонизации;
- исследовать процесс становления и генезис лугардовской системы "косвенного управления";
- доказать, что политическая дестабильность послеколониальной Нигерии - прямой результат британской системы колониального управления.

Разработанность темы и историковедческая база. При исследовании становления, эволюции и результатов британской системы "косвенного управления" основное внимание уделялось изучению тех вопросов, которые все еще не разработаны или малоразработаны.

Основу источников и информационной базы диссертации составили прежде всего официальные документы колониальных властей и Британского Парламента, а также обширная мемуарная литература видных колониальных чиновников, отдельные исследования ученых-африканистов Англии, США, Африки. Среди них особо следует отметить следующие: Abaqemi, Awolowo, The People's Republic, Ibadan, 1968; B. Malinowski, The Dynamics of Culture Change, L., 1945; Lugard, The Dual Mandate in British Tropical Africa, London, 1923; Perham, The Colonial Reckoning, № 4, 1962; Smuts, Holism and Evolution, L., 1946; Smuts, Plans for the Better world, London, 1947; Hayley, Native Administration, London, 1942; Report of the Commission of Inquiry Appointed to Inquire into Disturbances in the Calabar Overl. Provinces, Dec. 1929. Report on the Eastern Provinces by the Secretary of Native Affairs, Lagos, 1922; Thirty Years Peace vol. II, C.O.C. Colonial Debates 5467 of 1911; Debates of Colonial Office Vote April 26, 1920; Amalgamation Report, The Times 10, 1901; Anthropology Today Chicago 1952; "Africa" vol. II, № 1, 1929, London; The New Statesman June 19, 1920; In African World, Sept 2, 1943; Indian Blue Book, 1920; Selected Records of Indian Government, Unrest in India, chs XVII to XXI; Report on the Fair in the Southern Provinces in 1914 by H.R. Palmer, Parliamentary Papers 1966, vol. 59 c. 7977; Parliamentary Papers, vol. 62 c. 9372; Report in West Africa, July 15, 1922; Nigeria Report for the year 1955; The Nigeria Legislative Council Order in Council, London 1946; Report on the Amalgamation of Northern and Southern Nigeria and Administration 1912-1919, 1917, Northern Nigeria Annual Report 1900-19, London, Nigeria Council Reports, London.

London 1949; A Bello Sarduana of Sokoto 1896-1906.

Изучение и анализ периода британского колониального управления Нигерией строится с привлечением первоисточников и многих важных документов колониальной администрации, включая и богатую мемуарную литературу.

Первые годы становления и независимое функционирование свободной Нигерии не входили в круг научных интересов данной диссертации, но в то же время мы сочли полезным отдельно коснуться политических и социальных последствий системы "косвенного управления". Что же касается независимой Нигерии, эта проблема в разной степени изучена советскими историками. В целом обзор советской литературы более подробно представлен в диссертации.

Научная новизна. В советской историографии сама по себе система "косвенного управления" еще не становилась объектом научного изучения. Правда, любому исследователю английской колониальной политики приходится касаться этого вопроса (точнее, того или иного аспекта системы), но ни в монографической, ни в какой-либо другой форме полностью система, ее функционирование и, что главное, результаты еще никем не изучались. Данная работа является первым советским исследованием сосуществования, стыковки и совместной трансформации традиционных и колониальных принципов управления.

Благодаря позитивным переменам в нашей научной жизни автор имел возможность, в отличие от предшествующих советских ученых, без давления идеологических догм рассмотреть целый ряд узловых моментов из жизни колониального общества. Западные, и в первую очередь английские историки, по сей день склонны утверждать, что именно благодаря системе "косвенного управления" страны Африки

(британские колонии) без глубоких социально-политических потрясений достигли независимости, точнее система подготовила их. Можно без преувеличения сказать, что система "косвенного управления" пока все еще не развенчана с научной объективностью и убедительностью.

Практическое значение. Выводы и заключения работы могут пригодиться широкому кругу советских специалистов и дипломатов, интересующихся странами Африки (в первую очередь бывшими английскими колониями), особенно в период коренной перестройки наших внешних связей. Практическая необходимость всестороннего изучения и анализа системы "косвенного управления" диктуется и сегодняшним положением большинства стран Африки. Гражданские войны, военные перевороты и экстремистские вспышки триаболизма в той или иной степени прямой результат системы "косвенного управления", которая в решающий для развития народов Африки период искусственно сохранила традиционные институты и формы правления, препятствуя этим появлению и росту прогрессивных сил. Кроме этого результаты исследования могут быть полезны и для советских африканистов и политологов, изучавших вопросы политического и социального развития стран Африки.

Апробация работы. Диссертационная работа была опубликована отдельной монографией ("Основные принципы британского колониального правления". Изд-во "Наука". Тбилиси, 1979 г. на грузинском языке) и в виде отдельных статей. Тема диссертации была утверждена в качестве пятилетнего плана (1975-1979 гг.) научной работы Института Истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили АН СССР (отдел новой и новейшей истории стран Европы), в Институте Африки АН СССР и в Центре по исследованию межнациональных отношений АН СССР.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук на заседании кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки ТГУ 19.06 1990 г.

Структура и основное содержание работы. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения в виде социально-политических результатов "косвенного управления".

Первая глава диссертации - "Идеологические основы колониализма". О проблемах Британской империи писали и пишут историки, этнографы, экономисты, социологи, антропологи, философы, политические и общественные деятели, чиновники колониальной администрации. Актуальность проблемы обусловила и ее практическое назначение: огромные территории колониальных владений постоянно требовали модернизации управления. На повестке дня английского правительства всегда стоял вопрос оптимальной системы управления колониями, и в работах английских авторов традиционно на передний план выдвигалась тема эффективности и рациональности колониальной администрации.

Чем основательнее опирался империализм на колониальную политику и успехи второй обусловили процветание первой, тем неотложней становилась задача идеологического обоснования колониальной системы. Кроме аргументов экономического, социального и политического характера колониализм, как система, нуждался и в морально-идеологическом обосновании.

Хотя не англичане первыми попытались обосновать результаты научных исследований необходимость колониальной политики, но Британская школа прикладной антропологии действительно занимает особое место. Обычно под прикладной антропологией подразумевает-

ся практическое применение антропологических знаний в каждодневной деятельности колониального аппарата. В Британской колониальной администрации уже с конца прошлого столетия существовала практика неофициальных консультаций с академическими кругами. Следует отметить и то, что сначала колониальные власти с подозрением относились к перспективам использования результатов антропологических исследований, однако с течением времени все теснее становились контакты колониальных чиновников высокого ранга с университетскими кругами и королевским антропологическим обществом.

После окончания первой мировой войны в Лондоне открылся интернациональный институт по изучению проблем управления в Африке. При участии комитета советников по местному развитию Тропической Африки британского колониального управления, созданного в 1923 году, был основан исследовательский информационный Центр культуры и языков народов Африки, целью которого объявлялось "содействие в гармоническом решении проблем экономического и политического развития". Его первым председателем стал один из самых известных теоретиков и практиков британской колониальной администрации лорд Лугард. Целью своей деятельности Центр ставил обличение научной теории и практики. В то время как в работе Центра активно участвовали ученые из Америки, ФРГ, Франции и других стран, исследования велись на территории Британской Африки (в основном в Нигерии, Золотом Береге, Сьерра-Леоне).

Основным выводом серьезных исследований, проведенных Центром, явилось утверждение о необходимости более глубокого и полного использования колониальной администрацией знаний социальных систем и культурных ценностей коренных народов колоний.

Особо следует отметить роль и место функциональной школы в этнографии. Ее основатель проф. Бронислав Малиновский смог вызвать у колониальной администрации интерес к этнографии. Труды его с самого начала отличались практицизмом. Малиновский по-новому подошел к изучению колониального общества, он отверг методы исследования, укоренившиеся в академических кругах, и перенес центр тяжести исследования с истории создания того или иного института на раскрытие роли и функций этих институтов в обществе.

Малиновский стремился более основательно изучить колониальное общество, установить организационный характер и определить основные структуры этих обществ. Однако все это делалось с одной целью - способствовать колониальной администрации повысить эффективность колониального управления, и исходя из этого, добиться утверждения и продления колониализма как системы.

Вторая глава - "Лугард и его "Двойной мандат" - посвящена детальному изучению колониальной деятельности основоположника системы "косвенного управления" Лугарда и его фундаментального исследования. В главе отдельными частями представлены такие темы как общая администрация, прямое управление, штат и методы управления британской администрации, налоги, суды.

В интерпретации Лугарда Британия в отличие от других колониальных империй руководствовалась не эгоистическими устремлениями, а наоборот помогала колониям в их развитии. Что касается африканцев, "типичного африканца", как пишет Лугард, он "счастлив, беззаботен, легко возбуждаем, для него не характерны самоконтроль, дисциплина, проницаемость, но по природе он мужествен и услужлив, преисполнен честолюбия, его не назовешь пря-

мой натурой, как восточные народы он любит украшения, любит музыку и оружие, его мысли сконцентрированы на явлениях и эмоциях настоящего момента, почти не думает о будущем и не горюет о прошлом".

Рассматривая некоторые общие принципы "косвенного управления", Лугард подчеркивает, что местное население легко достигает свободы и самоуправления, если колониальная администрация передает управление внутренними делами традиционной власти, руководить которой, разумеется, будут англичане. И, наконец, все должны подчиняться закону высшей колониальной власти.

Лугард твердо был убежден, что главное для администрации - налаживание и поддержание отношений взаимопонимания и сотрудничества между местным населением и колониальной администрацией, без чего невозможно было эффективное управление. В то же время он свято верил в необходимость децентрализации и преемственности. Он резко криковал лорда Морли, который на примере Индии пришел к следующему заключению: "Эффективная администрация имеет тенденцию к непомерной централизации". Идея децентрализации красной нитью проходит в многочисленных теоретических трудах Лугарда, эту идею он претворял в жизни и в своей многолетней практической деятельности.

А какой представлялась Лугарду административная машина? Как правило, права и обязанности губернатора и функции советов были сформулированы в т.н. "Letters Patent" и королевских указах. По плану Лугарда "число неофициальных членов совета должно быть ограничено с целью предупреждения критики". Здесь же он пишет: "Принципом британской политики должно стать подчинение

желаний и интересов меньшинства интересам большинства местного населения, даже если это меньшинство представляют европейцы".
Одному Лугарду было известно, как в условиях колониализма можно обобщить принцип превалирования интересов колониальных народов.

В отличие от Французской Западной Африки, местная администрация в Британской Западной Африке имела огромное многообразие форм в результате эмпирического подхода англичан к тому различию институтов, которое они нашли на местах. Но к 1930 году вырисовывается доминирующий образец - "косвенное управление", т.е. использование местной политической системы для местного правительства. Это не значит, что "косвенное управление" стало общей чертой местного управления в Западной Африке. Модернизация должна была придти изнутри, сопровождаемая советом англичан. С одной стороны, существовала практика, согласно которой традиционными вождям разрешалось управлять подданными как при протекторате в XIX веке, когда ценою согласия на управление некоторыми обычаями, они сохраняли внутреннюю автономию, оставив англичанам контроль над внешней политикой и судопроизводством.

Штат британской администрации делился на три класса: 1) административный, к которому относился и юридический; 2) департаментов; 3) временный штат, работающий по договору. Ко второму классу относились также военные и некоторые гражданские чиновники.

По мнению большинства исследователей узловым вопросом в системе Лугарда являлся вопрос управления колониальным населением. Если важнейшим условием эффективного управления по Лугарду были преемственность и децентрализация, то основным мо-

ментом проведения этих принципов в жизнь являлось сотрудничество правительства и торговых учреждений, отдельных ячеек управления, служащих администрации и местной власти в провинциях. От любого чиновника колониальной администрации Лугард требовал выполнения практически неосуществимой задачи - убедить коренных жителей в том, что правительство (т.е. колониальная администрация) не настроено враждебно по отношению к ним и заботится об общественном прогрессе. Особая роль отводилась и местным властям, хотя примечательна концепция местного управления, само понятие которого противоречит идее независимости по следующим причинам: 1. Местные власти не имели права проводить мобилизацию и осуществлять контроль над вооруженными силами, а также носить оружие. 2. Облагать население налогами могла только высшая власть, местному вождю требовалось для этого разрешение губернатора. 3. Законодательная власть оставалась в руках центральной администрации, хотя по утверждению Лугарда у местной власти тоже были ощутимые права - они могли править традиционными средствами, если последние были достаточно гуманными в понимании англичан, и издавать собственные законы, получив на это разрешение губернатора. 4. В вопросах землепользования вся власть была сосредоточена в руках губернатора. Вождь не мог, следуя традициям, сам разделить землю между подданными. 5. Штат местной администрации должен быть укомплектован только коренными жителями, однако колониальная администрация могла по своему усмотрению назначить туда квалифицированного чиновника.

Хотя система "косвенного управления" без сомнения способствовала консервации существующих условий, однако когда Лугарду приходилось ее защищать, он утверждал, что тормозом прогресса

является система не "косвенного управления", а прямого. Он утверждал, что большая часть населения Тропической Африки находится на примитивной стадии развития, и прямое управление в этих условиях Лугард расценивал как "измену высоким идеалам помощи отсталым расам, как действие, направленное на сохранение существующей обстановки и препятствующее переходу к высокой социальной организации".

Защитники "косвенного управления" наиболее отрицательным моментом прямого управления считали незаинтересованность англичан при прямом управлении в воспитании и образовании африканцев. В то же время главной задачей колониальных просветительных учреждений Лугард считал подготовку из местных жителей таких специалистов, которые облегчили бы колониальной администрации управление колониями. Не была забыта и главная опорная сила системы - традиционная правящая аристократия.

Один из видных теоретиков и практиков британской колониальной политики А. Бернс уже в 1946 году утверждал, что в случае с Нигерией англичане руководствовались лишь филантропическими соображениями и без особого желания осуществляли колонизацию страны. Защитники колониализма рассматривают покорение Лагоса как падение одного из самых важных пунктов работоторговли в Нигерии, а установление в ней британского господства - как гарантию безопасности человека и его собственности, свободы передвижения, труда и торговли. Хотя критика таких утверждений с научной точки зрения не представляет большого труда, но вот какую характеристику дает Лугарду и его системе один из виднейших политических деятелей Нигерии А. Аволову: "По природе империалист Лугард был

талантливым администратором. Именно ему более других должна быть благодарна Нигерия за достоинства и недостатки того курса, верность которому и сегодня считают своим долгом национальные патриоты Нигерии, проникнутые в то же время по отношению к нему противоречивыми чувствами". Не следует забывать, что пишет это политический деятель, которому нельзя приписать роль приспешника колонизаторов или реакционера, да еще в конце 60-х годов. А это еще раз свидетельствует о необходимости всестороннего, объективного анализа явлений и фактов при установлении реальной сути как самого Лугарда, так и его системы.

В третьей главе - "Конституционные изменения" - дан анализ конституции Макферсона, конституции 1963-1964 годов, тут же рассматривается институт вождей в южных провинциях Нигерии и попытки реформы 1914-1920 годов на Юго-Востоке.

Хотя конституция Макферсона предшествовала конституции Ричардса (1945 г.), но по своей значимости и последствиям особое место занимает именно конституция Макферсона (1951 г.).

Новой конституция узаконила административное деление страны с некоторыми изменениями. В то же время она высветила отрицательные стороны системы "косвенного управления" во внутренней политической жизни Нигерии - даже в начале 50-х годов в стране не было политической партии, которая могла бы стать выразителем интересов не то что общенациональных, а хотя бы районных. Деятельность и сфера влияния двух существующих в тот период политических партий ограничивалась в основном Лагосом. Уверенность англичан в том, что в Нигерии еще долгое время не будет сформирована партийная система, отразилась в конституции Макферсона, однако имен-

но они обманулись в своих расчетах - скоро во всей стране началось создание политических партий, что было прямым результатом спонтанного развития национально-освободительного движения.

Естественно, что макферсоновская конституция не давала местным жителям реальных политических прав (она и не преследовала такую цель), однако колониальная администрация не смогла предусмотреть возможную ситуацию, в условиях которой даже куцая конституция Макферсона смогла способствовать развитию национального движения. Нигерийские националисты стремились использовать даже самую малую возможность для ослабления тисков колониального управления.

От своих предшественников конституция Макферсона отличалась и другими аспектами. В определенном смысле принятие этой конституции оказалось первым шагом к федерализму. Правда, этот федерализм больше походил на квазифедерализм: ни один закон не входил в силу без санкции губернатора, палата представителей и Совет Министров фактически зависели от капризов легислатуры района из-за своих нигерийских членов. Как справедливо отмечал в своей критике Аволово, в ряде случаев эта зависимость принимала столь абсолютные формы, что районная политическая партия могла парализовать работу Совета Министров. Аволово приводит прецедент, имевший место в 1953 году, когда само существование Совета Министров оказалось под вопросом: министры Западного района, подчиняясь директиве партии, приняли решение объявить бойкот, если Англия в 1956 году не предоставила бы Нигерии самоопределение, и за исключением министров одного района был поставлен вопрос о правомочности Совета Министров. Тогда губернатор принял решение занять

вакансии другими людьми, но партия Западного района отказалась выдвинуть кандидатов на места подавших в отставку министров.

Представляется, что Аволово ошибается, утверждая, что благодаря конституции Макферсона оказалась упраздненной система "косвенного управления". Он считает, что с принятием конституции традиционные вожди перестали рассматривать губернатора и резидентов как свое начальство: "Они поняли, что народ способен обеспечить им мирное и длительное управление". Нельзя согласиться с Аволово и в том, что после принятия конституции Макферсона между англичанами и нигерийцами установилось истинное сотрудничество. Важно, что конституция Макферсона в целом не смогла оправдать надежд колониальной администрации, не приостановила волну национально-освободительного движения и 31 марта 1953 года была отменена. Началась т.н. серия конституционных конференций, продлившаяся до 1958 года. Интересный материал содержат годовые отчеты этого периода. Отчет 1949 года начинается с материала конституционной конференции. В отчете отмечается, что сначала конституция 1947 года была рассчитана на 9 лет и могла быть пересмотрена по истечении этого срока, через три-четыре года допускалось внесение незначительных изменений. Однако, уже в августе 1948 года губернатор Макферсон с гордостью объявил в законодательном Совете, что высокая эффективность конституции 1947 года сделала возможным внесение в нее изменений ранее установленного срока. На самом деле колониальной администрации нечем было гордиться, темпы национально-освободительного движения оставляли далеко позади колониальную конституцию и создавали новую ситуацию, предусмотреть которую оказалось невозможным.

Так или иначе, законодательное собрание поручило т.н. комитету избранных провести общенародное рассмотрение рекомендаций на основе полного соблюдения принципов демократии и активного участия широких масс. Отметим лишь, что если бы это было так на самом деле, конституции не устаревали бы каждые два-три года. В отчете 1954 года акцент сделан на выборы федеральной палаты представителей, которые прошли в ноябре-декабре и закончились победой Конгресса народов Нигерии. В том же году первые два из трех региональных правительств стали полностью нигерийскими и были возглавлены собственными региональными премьерами. В центре же за департаменты отвечали федеральные министры. Все это рассматривается в отчете как предвестник децентрализации.

Конституционная конференция 1957 года учредила должность главы федерального правительства - Премьера. Главной проблемой конференции все-таки было рассмотрение конституции 1954 года: рассмотрение-дискуссия продолжалась на конференции 1958 года и закончилась принятием очень важной декларации: "Если новый федеральный парламент, - говорится в декларации, - примет в начале 1960 года резолюцию, выражающую требование независимости, то правительство ее величества согласно этому требованию внесет соответствующий билль в парламент, который предоставит Нигерии полную независимость с 1 октября 1960 года".

Федеральная структура страны была разработана на Лондонской 1953 и Лагосской 1954 года конституционных конференциях, на которых было вынесено решение о разделении власти между районами и федеральным правительством. Однако у противников федеральной системы с самого начала были такие реальные аргументы, как отсутствие

привлекательных для широких масс национальных символов и социально-политической программы, без которых невозможно было формирование национального самосознания и сплочения нации вокруг общих интересов и целей. И в советской, и в западной историографии не раз отмечалась роль Второй мировой войны в активизации и радикализации национально-освободительного движения. После войны многие дальновидные представители колониальной администрации понимали, что назревают серьезные сдвиги и необходимо принятие контрмер. Первой реакцией в этом отношении можно считать именно конституцию 1946 года, представлявшую собой первую попытку создания консультативных органов на региональном уровне. Автор конституции губернатор Нигерии Ричардс еще в 1944 году уведомил депешей государственного секретаря в Лондоне, что его целью было "создание политической системы, которая в настоящий момент сохраняет перспективу будущего развития системы и внутри которой различные элементы с различной скоростью могут развиваться в направлении политического и экономического единства". Невооруженным глазом видно "маленькое несоответствие": последовательное проведение на практике политики регионализации и в то же время объявление главной целью будущей конституции достижение экономического единства. Такое диаметрально различие между официальной версией и реальностью ни для кого не осталось незамеченным, поэтому и стала конституция 1946 года объектом резкой критики со стороны нигерийских патриотов. Однако несмотря на критику, колониальная администрация продолжала однажды избранный курс.

По поводу распределения власти между региональными и федеральными правительствами в официальных документах указывалось,

что соотношение политических сил не влияло на этот процесс. Следовательно, колониальная администрация руководствовалась каким-то другим принципом. Для более ясного понимания вопроса, думается, к месту будет рассмотреть положение традиционных правящих кругов в период так называемого позднего колониального управления.

Главной опорой колониальной администрации Нигерии все-таки оставалась Северная Нигерия с ее особой социальной и политической системой. В то же время, говоря о специфике Севера, нельзя упускать из виду стабильное влияние исламской цивилизации, которой часто сопутствовала восточная система деспотизма. Для таких систем характерны социальная и политическая гибкость и способность противостоять влиянию извне. Берущая начало в Исламе социальная дисциплина обусловила своего рода стабильность и явилась более эффективным средством общего управления, чем прямая интервенция со стороны Англии. Поэтому колониальная администрация охотно поддерживала ту часть феодальной администрации Севера, которая признавала власть Британии. Система местной власти могла стать органической частью плана колониального управления и связанной с ним эксплуатации, если бы не проникавшие извне отзвуки революционных сдвигов. Фактически, система "косвенного управления" на определенной стадии просто узаконила местную систему власти. Столь широко рекламируемая Англией политическая стабильность Северной Нигерии в широком смысле была не чем иным, как прямым результатом осуществления с согласия англичан стабильной феодальной системы управления. Именно поэтому, когда англичане оказались перед необходимостью передачи власти,

им не пришлось ломать голову над тем, где найти кандидатов - система "косвенного управления" уже давно имела своих фаворитов. К началу 60-х годов уже существовала своеобразная модель передачи власти, согласно которой колониальная администрация оставляла на своем месте тщательно отобранную и соответствующую взращенную элиту и ее оппозиционные кадры. Уходящая колониальная администрация оставляла новой элите не только законный статус, но и возможность использовать его политическую силу и влияние. Нигерия в этом плане представляла собой своеобразное исключение, что тоже было следствием системы "косвенного управления". Та часть новой правящей верхушки, которая получила статус только благодаря традиционной системе, была слабо подготовлена с точки зрения современной политики и современного государства. Для другой же части, обладавшей формальной властью, оказалось бы затруднительным эффективное функционирование без активной поддержки представителей традиционной социальной структуры.

Слияние Нигерии означало распространение на Юге северной системы. На Юго-Востоке существование института вождей способствовало распространению северной системы, хотя по мнению ряда английских исследователей здесь были допущены ошибки. На Юго-Востоке, в провинциях Калабар, Огойя, Овери, Оништа и Вари, Лугард и его последователи встретились с препятствиями, которые были преодолены позже. Изменения, проведенные в местных судах - наиболее важных институтах этих краев, были недостаточными для улучшения общей ситуации. Если бы эти суды были действительно местными, если бы они имели какие-либо корни в прошлом или на-

ходились в гармонии с существующими институтами и социальными кругами, тогда удаление их белых резидентов и прочие изменения могли бы вызвать здоровое развитие, которое и ожидалось.

В четвертой главе дан анализ соотношения сил в освободительном движении Нигерии. Здесь особая роль отводится Северной Нигерии. Когда речь идет о новых африканских лидерах, надо отметить, что большинство их только условно можно назвать новыми. Дело в том, что в основном это были родственники и близкие местных традиционных правителей, а часто и сами эмиры. При новом колониальном режиме эмирам отводилось особое место, в результате чего они становились членами палаты вождей и кабинета, откуда открывался путь в правительственные комитеты и советы. Серьезным влиянием пользовались они и в палате ассамблей, можно предположить, что большинство из них оказало бы противодействие тенденциям буржуазного парламента и демократии, если бы последние попытались поколебать основу их влияния и престижа. Но когда часть эмиров активно поддерживали идею подготовки реформ, стало ясно, что опасность реорганизации традиционной власти от них еще далека. Северяне стремились достичь независимости и современного развития таким образом, чтобы изменения как можно меньше затронули институт эмиров. Оппозиция на Севере в основном составляли клерки, учителя, технические специалисты, которые хоть и стояли достаточно далеко от вершины иерархической лестницы, с уважением относились к власти, выведившей их в люди. В то же время оппозиционная группа полностью зависела от системы местной власти, поскольку в недалеком прошлом именно местная администрация обеспечивала им должности и источники существования. В послевоенный период их программа являла собой свдеобраз-

ный синтез демократизации местного управления и консерватизма.

В конце 40-х годов на Севере проводится несколько реформ, официальной целью которых объявляется демократизация местной власти, но все должно было осуществляться в пределах традиционных институтов. Как считает известный западный африканист Л.Мейер, центральным моментом реформ было установление того, "насколько способна традиционная власть стать элементом изменений". В основе политики постепенности (градуализма) в Нигерии была вера или надежда англичан на возможность соединения в одной системе традиционализма и современности. Иными словами, традиционная феодальная аристократия должна была за свой счет допустить к истокам власти (разумеется, на местном уровне) "новый класс". В 1946-1966 годах в Северной Нигерии было 34 эмирата. В одном из отчетов 30-х годов прямо сказано, что "в Северной Нигерии для народа существовало только одно, местное правительство. Распределение власти между региональной и местной властью таково, что эмираты, по существу, являются государством в государстве".

Интересно, что на концентрацию власти в руках центральной бюрократии эмиратов указывал и сам сардаун Сокото, занимавший пост министра в местном правительстве; местная власть в этом районе превратилась в сложный административный орган, выполняющий большую часть работы правительства. Он разрабатывал политику почти всего района, с которой не сравнится политика ни одного другого района.

Трудно согласиться с мнением ряда исследователей, что традиционный фуланийский эмир был когда-то конституционным монар-

хом, в фуланийской системе никогда не было узаконенной и институированной процедуры, согласно которой народ мог сместить эмира. Именно наличие такой процедуры существенно отличало традиционные монархии Западной Африки от фуланийцев. Замена фуланийского эмира была возможна только в связи со смертью. У эмиров традиционные советники — религиозные деятели, которые иногда входили в традиционные советы. В разных эмиратах эти советники пользовались различным влиянием, в трудных ситуациях эмиры прибегали к их помощи, однако последнее слово оставляли за собой.

Интересно, что британское правление, так или иначе положив конец внутренним войнам, подорвало тем самым силы, направленные против власти эмиров, замена сизеранитета Сокото на власть Англии защищала преданных колониальной администрации эмиров от претендентов на престол и т.д. В то же время англичане все-таки тоже пытались установить определенные ограничения, в первую очередь это выражалось в том, что время от времени при назначении на должность и определении жалования колониальная администрация руководствовалась и квалификацией чиновников.

По мнению английского африканиста Уитекера, англичане не смогли изменить автократическую суть эмиратов. Он объясняет это тем, что она оберегала авторитет эмиров, что эмиры, осмелевшие от поддержки англичан, не спрашивали совета ни у народа, ни у советников. Все верно, однако, главным было то, что система "косвенного управления" в принципе исключала модернизацию института вождей. Система обеспечивала фиктивное управление извне, но не давала никакого стимула к усовершенствованию данного института изнутри. Колониальная администрация всячески старалась завуалировать свой контроль над традиционными вождями.

В английской историографии красной нитью проходит версия, что колониальная администрация постоянно заботилась о демократизации системы местного управления, а это, в конечном счете, должно было привести к улучшению положения местного населения и подготовке квалифицированных кадров для будущей свободной Нигерии. На самом деле вся практика "косвенного управления" доказывает обратное. Что же касается проблем, связанных с освободительным движением, большая часть западных исследователей до 50-х годов вообще отрицала идею позитивного национализма и национального самосознания в Тропической Африке. Здесь можно назвать и такого авторитетного представителя буржуазной историографии как Арнольд Тойнби. Лорд Хейли вообще употребляет только один термин — африканизация. Другие пошли дальше, взяв под сомнение сам принцип. Американский исследователь А. Коббен утверждает даже, что "национальное самоопределение из-за своего обычного политического контекста исключается в Африке". Перхем, сравнивая Азию и Африку, писала, что вместо больших наций Азии встречаем здесь раздробленные трибализмом племена, вместо древнейшие цивилизации — дошедшие до нас примитивизм и убогость. Широко бытующее мнение выразил американский историк Кук, категорически заявив, что "очень далеко день, когда народам Африки станет подвластна организация независимых государств".

Поэтому для многих и вправду явилось неожиданностью национально-освободительное движение 50-х годов, которое вынудило английскую колониальную администрацию пойти на серьезные уступки на Золотом Береге и в Нигерии. Значительным явлением представляется также создание политических партий.

В формировании национализма и национального самосознания, естественно, главную роль должны были сыграть образованные африканцы. В чьих руках было просвещение нигерийцев да и образование вообще? Даже в 1943 году 99% школ было под контролем христианских миссионеров, а в 1945 году не было образованного нигерийца, который хотя бы недолго не посещал миссионерскую школу. Никто не отрицает, что миссионеры, как правило, отвергали местные формы образования. Африканец считался *Tabula rasa*, на которой можно написать новую цивилизацию. Прав был английский африканист Колеман, когда писал, что можно встретить нигерийца, который назовет главные города Англии, наизусть приведет цитату из Библии и "Гамлета", но понятия не имеет о географии, фольклоре, ведущих лидерах и важных событиях истории своей страны. Суть европейского образования хорошо понимали сами африканцы, когда публично сетовали, что африканцы получали ложное образование.

На фоне вышесказанного странно то, что когда в освободившихся странах Африки начались внутривластные неурядицы, многие западные специалисты были склонны искать "корень зла" в противостоянии традиции и модернизации. Насколько нам известно, лишь Уайтекер считает, что характер взаимоотношений между "традиционным" и современным обществом может быть гораздо сложнее. Он даже пытается дать своеобразную схему возможных вариантов взаимодействия традиций и новых элементов в общественной жизни: 1. Полное отклонение модернизации и полное сохранение традиционных норм и порядков; 2. Полное принятие модернизации и полное нарушение традиций; 3. Частичное приня-

тие модернизации и частичное сохранение традиций; 4. Частичный отказ от модернизации и полное сохранение традиций; 5. Частичный отказ от традиций и полное принятие модернизма; 6. Полное сохранение традиций и вместе с тем полное принятие модернизма.

Советская историография недостаток этой схемы видит в том, что она якобы не учла факта существования мировой системы социализма и ее влияния на исторические процессы в странах третьего мира и в Африке, в частности. Авторы сводят все проблемы к взаимоотношениям между "модернизацией", под которой фактически понимается современный капитализм, и докапиталистическими системами. По его убеждению последний вариант схемы является теоретической основой английской колониальной политики в Африке, предполагающей "удачный синтез" или слияние обеих - и современной, и традиционной систем. К такому выводу Уайтекер приходит, изучая и анализируя взаимодействия британской колониальной администрации и северонигерийской феодально-общинной верхушки. Особая роль Нигерии обуславливается, по мнению автора, тем, что этот регион представляет собой "политическое и географическое сердце континента", а в политическом отношении Северная Нигерия представляла собой традиционную систему эмиратов, которую очень слабо затронул колониализм. Традиционная система продолжала существовать, став лишь подчиненной внешним силам и интересам.

Британская колониальная политика, нацеленная на сохранение традиционной общинно-феодальной системы и ее приспособление к колониальным интересам, не могла не придать особый оттенок политической жизни Нигерии.

Мягко говоря, странно, что ряд советских ученых придерживается мнения, что неизбежное ослабление позиций империализма повлечет за собой и ослабление и исчезновение институтов традиционной власти. В действительности живучесть феодально-общинных пережитков связана не только и не столько с позициями империализма, неизбежное проникновение в образованную элиту молодежи из "нетрадиционных" источников - из гущи простого народа, рано или поздно подорвет устои традиционных правителей. Сохранение традиционных порядков позволяло колониальной администрации маневрировать перед фактом нарастающего национально-освободительного движения. Хотя англичане и старались в какой-то степени модернизировать традиционное африканское общество с помощью целого ряда реформ, но при этом всю полноту экономической и политической власти упорно оставляли в руках традиционных правителей. Это задержало подъем национально-освободительного движения, но не могло остановить этот процесс полностью.

Сами английские ученые признают, что с завоеванием независимости африканские народы в большинстве стран постарались в первую очередь ликвидировать систему "местной администрации". Однако в Северной Нигерии англичанам удалось сохранить систему эмиратов, и это наложило свой отпечаток на мозаику политической борьбы после освобождения в лице Северного Народного Конгресса и Северного (позднее Нигерийского) союза прогрессивных элементов, друг другу противостояли две силы; одна старалась разработать программу революционных политических изменений в соответствии с требованиями нигерийского национального движения, другая стремилась поставить националисти-

ческие силы в "рамки традиционных политических порядков". Прав автор, когда отмечает, что характерная для традиционного общества зависимость массы от феодала ныне трансформируется в зависимость от партийных боссов, которые одновременно являются феодальными правителями. Что касается известной теории постепенного слияния традиционных и современных систем, то такая картина все еще с трудом вырисовывается. И всеобщие выборы, и назначение кабинета министров и другие атрибуты буржуазной демократии были восприняты феодальной верхушкой и использованы ею в борьбе за сохранение своей реальной экономической и политической власти.

Нельзя упустить из вида и тот факт, что после Второй мировой войны лидеры освободительного движения вообще отделились от "вестернизированных" африканцев, их обычно называли "лестивыми дядями Томми". Бесспорно, что одна часть образованных африканцев стала политическим и социальным рудиментом у себя на родине, однако было бы неверно судить по ним о всех получивших образование нигерийцах.

Естественно, что англичане хорошо понимали главное - в образованном человеке рано или поздно проснется чувство протеста. С первых же дней британская колониальная администрация в Нигерии оказалась перед дилеммой в связи с установлением статуса образованных нигерийцев. Согласно плану колониальной администрации, образованные африканцы должны были составить некоторую переходную ступень между многочисленными английскими колониальными чиновниками и широкими массами местного населения. С другой стороны, в условиях системы косвенного управ-

ления⁴ исключалось продвижение образованных нигерийцев по служебной лестнице. Для управления страной англичанам нужны были и образованная элита, и "косвенное управление", которое требовало различных политических форм. Поэтому и встала колониальная администрация перед проблемой этого внутреннего противоречия.

Колониальная администрация всесторонне старалась игнорировать и изолировать образованных нигерийцев. Феодальная аристократия - вот на кого с надеждой взирал Лондон. Однако каким образом смог бы необразованный вождь в условиях XX века обеспечить эффективное самоуправление? На этот вопрос еще у Лугарда был готов ответ - африканским массам для самоуправления нужно достичь собственного управления посредством образования, постепенного расширения его влияния, а не насаждением чужой системы управления тем, кто получил образование в Британии и обладает политическими амбициями. Какое именно образование должны получить местные вожди, Лугард не уточнял.

Большая часть образованных африканцев скоро осознала необходимость национального самоопределения и невозможность этого в условиях колониализма. Естественно, что это создавало новые проблемы колониальной администрации. Колониальная администрация вынуждена была пойти на определенный компромисс. Детрайбализация образованной элиты зачастую была домислом европейцев: когда понадобилось, многие образованные нигерийцы легко нашли общий язык с традиционной средой. Начиная с послевоенного периода, колониальная администрация воздерживается от полной интеграции образованных африканцев с традиционной системой, т.к. против этого выступают традиционалисты. В то

же время в Нигерии и за ее пределами все более утверждается мнение, что система "косвенного управления" является не только формой управления, изобретенной специально для отсталых народов, но и формой управления, цель которой - сохранение этой отсталости, изоляции и общинной раздробленности.

Образованная элита еще и потому подвергала критике систему "косвенного управления", что под предлогом подготовки нигерийцев к самоуправлению британская администрация проводила авторитарную политику. Не менее резкую критику вызывал статус традиционных правящих кругов в системе "косвенного управления", поскольку эмиры и вожди действовали по указке резидентов и губернаторов; образованные нигерийцы считали их марионетками и разговаривающими на национальном жаргоне слугами империализма. Поэтому они не могли быть независимыми представителями народа, особенно же образованная их часть. В том, что традиционная власть была агентом империализма, убеждает нас и то обстоятельство, что конституционные реформы 50-х годов несколько не подрывали основ системы Лугарда.

Многие английские крупные африканисты, даже Колеман, отрицают, что основой британского империализма является девиз - "Разделяй и властвуй". Их главный аргумент - Нигерия, и на ее примере стараются доказать, что если бы не англичане, Нигерия вообще не существовала бы как единое государство. Действительно в период колониального завоевания англичане так же, как и французы, бельгийцы и другие, "округляли" и расширяли свое колониальное владение, что объективно, независимо от них, способствовало возникновению крупных административных и полити-

ческих единиц, многие из которых впоследствии стали основой суверенных государств. Однако бесспорно и то, что колонизаторы преследовали только собственные интересы и не считались с таким важнейшим фактором, как этнический.

Колониальная администрация своей политикой всячески старалась помешать процессу формирования населения колоний в единую нацию, укрепляя в то же время единство колоний в административном отношении, поэтому даже у некоторых руководителей освободительного движения складывалось впечатление, что англичане искренне стремятся обеспечить прочное государственное единство, но реальная действительность не давала им такой возможности. Того, что эту действительность стабилизировали сами англичане, понимали не многие. Жертвой политических иллюзий стал один из лидеров освободительного движения Нигерии А.Балева, который в 1948 году верил, что с 1914 года британское правительство пыталось превратить Нигерию в единое государство, но ее народы не проявляли никакого желания к объединению.

Глубокие противоречия между официальными заявлениями и повседневной практикой британской колониальной администрации особенно рельефно проявились на примере Нигерии. Хотя все колониальные конференции способствовали регионализации страны и усилению центральных сил, во всех своих официальных заявлениях тот же губернатор Макферсон критиковал триболистские выступления и призывал к прочному единству. А государственный секретарь по делам колоний Д.Гриффитс даже писал в связи с конституционной конференцией 1950 года, что любая политика, ведущая к раздробленности Нигерии, "противоречит политике пра-

вительства его Величества, т.к. идет вразрез с интересами народа". И лишь тому нельзя найти нигде объяснения, почему же, несмотря на таких влиятельных защитников, не была осуществлена идея сильной центральной власти.

Хотя некоторые дальновидные чиновники высокого ранга в колониальной администрации сознавали, что колониализм не вечен, однако в 40-е годы еще никто не представлял, насколько близок был конец колониальной эпохи. Поэтому и считали допустимыми демагогические рассуждения о единстве, национальной стойкости и т.д.

Сложной и полной противоречий была национально-освободительная борьба в Нигерии. До 50-х годов не было национального символа главы государства, кроме губернатора и английского монарха, национальным флагом был "Юнион Джек", гимном - "Боже, храни короля", во главе африканских дивизий стояли английские офицеры, национальным праздником был объявлен день империи. Все это и другие более важные факторы способствовали утверждению тенденций регионализма, поэтому не встретила серьезного противодействия региональная по сути конституция Макферсона. Во время Второй мировой войны ибаданские представители молодого движения Нигерии потребовали регионализации самого движения. Аволово требовал такого изменения традиций районов страны, чтобы каждая этническая группа, какой бы маленькой она ни была, имела равные права с самой большой группой. Ясно, что Аволово путает принцип равенства всех народов, живущих в едином государстве, и губительные тенденции местнического сепаратизма. Правы были те лидеры, которые в конце 50-х годов

выступали против регионализации политических партий и охарактеризовали это явление как направленное против консолидации единой нигерийской нации. В марте 1948 года они внесли на рассмотрение законодательного совета Нигерии проект резолюции, в котором содержалась следующая формулировка - "Палата одобряет объединение Нигерии в федерацию с разными районами, которые с течением времени получают автономию. Страна должна достичь самоуправления на основе такой федерационной системы".

Консолидации сил национально-освободительного движения, и исходя из этого ее эффективности, мешал целый комплекс этнических противоречий, среди которых в первую очередь надо отметить распри между Йоруба и Ибо в Южной Нигерии, между народами Юга и мусульманским Севером, между доминирующими группами (фуланийцы, хауса, Йоруба, Ибо) и национальными меньшинствами в каждом районе.

О национализме в Северной Нигерии можно говорить лишь начиная с конца 40-х годов. Правда, в 1938-1941 гг. национальный совет Нигерии и Камеруна и молодежное движение Нигерии основали свои отделения в северных городах, но членами партий здесь в основном были йжане, живущие на Севере. Национально-освободительное движение здесь затрудняло и то обстоятельство, что ни в историческом, ни в культурном отношении Север не представлял собой единого целого. Своего рода гарантией единства являлись Ислам и империя Фулани. На Севере вообще не существовало такого понятия, как свобода слова, собраний, прессы. Северные эмираты, в отличие от слабых южных институтов вождей, выделялись монолитностью и тоталитаризмом, на Севере

тоже была затруднена политическая деятельность населения.

В 1943 году в Баучи был основан Совет всеобщего усовершенствования, позже один из основателей - Зункер стал известным политическим деятелем, ближайшим соратником Азикиве и генеральным секретарем Национального совета Нигерии и Камеруна. Одним из создателей совета был также Балева - впоследствии лидер Конгресса Народов Севера и представитель консервативного крыла освободительного движения Северной Нигерии. Балева был первым премьером независимой Нигерии. В 1945 году в Кано некто Абдалах создает Прогрессивную ассоциацию элементов Севера, которая однако из-за сильного противодействия со стороны местной власти существовала весьма недолго.

Следует отметить, что в исследовании взаимоотношений между партиями и традиционной властью большую помощь оказали материалы конференции Конгресса Народов Севера, состоявшейся в Кано в 1949 году, в них между прочим говорится: "мы не собираемся отнимать управление у нашей местной власти. Наше искреннее желание - усилить эту власть, где только возможно. Мы хотим помочь нашим традиционным правителям, чтобы они лучше исполняли свои функции". В выступлениях партийных лидеров на конференции было высказано столько почтения в адрес традиционной власти, что султан Сокото и эмиры Кано и Зарии послали приветствия участникам конференции. Здесь же нужно отметить, что среди участников конференции были и сторонники ограничения традиционной власти. В 1950 году они отделились от Конгресса и основали Прогрессивный союз эмиратов Севера.

К 50-м годам на Севере уже существовала, во-первых, группа вестернизированных консерваторов, готовых совместно с фула-

нийской элитой бороться против опасности распространения южного влияния, и, во-вторых, более мелкая, но радикально настроенная группировка, представители которой хорошо понимали, что реальная угроза исходит не от Юга, а от авторитарной системы Севера.

Освободительное движение Нигерии берет начало с периода завоевания страны, но до 40-х годов нашего века оно носило неорганизованный, стихийный характер. Большую роль в политическом развитии нигерийцев сыграла местная пресса и в первую очередь "Лагосский еженедельник заметки", основанные в 1891 году либерийцем Джексонем и издававшиеся до начала 30-х годов. В 1890-1950 годах в Нигерии выходило более ста журналов и газет, большинство из которых носило антиколониальный характер. За 30 лет до завоевания независимости газета "Лагос Таймс" писала: "Мы не требуем независимости немедленно, но надо помнить, что существующее положение долго не протянется. Настанет день, когда британские колонии Западного побережья получат право регулирования своих внутренних и внешних дел". Автор статьи не случайно называл Западную Африку как одну из главных кандидатур на освобождение. Эта часть континента всегда отличалась политической активностью. Об этом же говорил в опубликованной в 1937 году статье лорд Хейли, однако в некоторых моментах он принимает желаемое за действительное: "В Британской Западной Африке мы встречаем движение гораздо более прочного политического типа, чем в других районах Африки, однако какие бы заслуги в делах местной политики не имел этот класс, он не смог отойти от идеалов раннего викторианского радикализма.

Его цель - широкое представительство в законодательстве и больше мест на государственной службе. Удивительную близорукость в отношении нигерийской действительности 30-х годов проявляет также профессор Крокер, который уже в 1936 году писал: "У Британии значительно меньше проблем в Нигерии, чем в других колониях. Здесь нет расовой проблемы, экономической проблемы, политической проблемы. Абсолютно не существует политической проблемы типа национализма".

Весомый вклад в национально-освободительное движение Нигерии внесли вернувшиеся в конце 30-х годов на родину после учебы за границей Азикве и Дэвис. К 50-м годам Азикве уже стал одним из самых популярных и признанных лидеров освободительного движения всей Западной Африки. Он проповедует идею объединения всей Западной Африки. "Пока мы будем смотреть на себя как на жителей Нигерии, Золотого Берега, Сьерра-Леоне, Гамбии, а не как на граждан единой Западной Африки, мы будем довольствоваться колониальной диктатурой вместо народного правительства, которым руководит народ на благо народа", - писал он в своей газете "West African Pilot" в 1938 году.

Именно Азикве был инициатором и одним из организаторов первой конференции нигерийского молодежного движения (Лагос, 1940 год). С точки зрения национально-освободительного движения об уровне конференции говорят ее решения: о реформе и упразднения системы "косвенного управления", о представлении нигерийцам высоких должностей на гражданской службе, об учреждении представительства провинций в законодательном Совете,

об учреждении в Лондоне представительства Нигерии, об улучшении положения нигерийцев в торговых фирмах, о развитии африканского бизнеса.

Нельзя отрицать присущую национально-освободительному движению Нигерии неоднозначность. В то время как Аволово писал в связи с конституцией Ричардса, что "новая конституция сохранила несколько спорных вопросов старой, много нежелательных пунктов и не отвечает нашим надеждам", по мнению другого лидера освободительного движения Адэдэй "одним из положительных моментов конституции Ричардса был узаконенный ею регионализм, что приветствовалось всей Нигерией".

Что же касается традиционных правителей, то они обычно поддерживали любую акцию колониальной администрации, однако публично выставляли себя слугами народа. Они были единодушны в оценке конституции Ричардса, общее мнение выразил оба Бенина, заявив: "Политические и конституционные реформы Ричардса - лучшее из того, что только может иметь Нигерия сегодня". А через год в Лондон отправится специальная делегация во главе с Азикве, чтобы добиться упразднения этой конституции. Делегация передала государственному секретарю меморандум, содержащий 34 пункта. Как и следовало ожидать, в Лагос делегаты вернулись ни с чем. Несмотря на это, сам факт создания делегации и отправки ее в Лондон является важным событием в освободительном движении страны, и очень ошибалась лагосская газета "Daily Times", выставляя делегацию на посмешище. И этот факт тоже свидетельство сложной мозаики нигерийского освободительного движения, что было прямым результатом системы "кос-

венного управления", насаждавшейся и утверждавшейся англичанами на протяжении десятилетий. Именно итогом "косвенного управления" явилась взрывоопасная внутренняя политическая жизнь Нигерии начала 60-х годов. В широком понимании и военные перевороты, и 30-месячная разорительная война тоже были результатом системы Лугарда.

В заключительной части диссертации дан анализ социально-политических результатов "косвенного управления". Британские ополгеты данной системы прогнозировали ее развитие в результате постепенного роста ответственности местных властей, которых в конце концов надо "подбодрить", но не настраивать к федерированию. Федерация должна была быть "очень свободной" - и в основном финансовой на ранних ступенях. Та же самая Перхем считала, что африканские условия редко позволяли идеальное развитие в связи с двумя трудностями: первое - распределение функций между центральным правительством и местными властями не оставляло значительных возможностей для последних к дальнейшему развитию, хотя возможно наделить властью более передовые и богатые единицы. Однако это противоречило бы тенденции к большей централизации. Перхем считала, что было бы намного легче для нигерийцев будь они готовы иметь объединенное правительство, централизованные местные службы, чем просто ряд унаследованных централизованных департаментов, которые до того момента были полностью под руководством британских чиновников.

Вторую сложность Перхем видела в неравномерном распределении образования. Образованное меньшинство гордилось своим отмежеванием от трайболизма, с которым у него ассоциировался

низкий стандарт жизни племени, обычая, презираемые европейцами. Образование позволяло им стать европеизированными, уважаемыми и индивидуальными гражданами. Поэтому неудивительно, что их стала компрометировать отсталость своих сограждан. Полностью относя свои успехи за счет своих достоинств, они не видели тех специфических условий, которые сделали возможным их прогресс. Поэтому они не осознавали грандиозности задачи и неизбежной медлительности ее разрешения. Этим отчасти объяснялось неправильное (по мнению Перхем) толкование ими "косвенного управления" и предубеждение против него. Считалось, что они поверхностно знали систему, слышать не хотели о мелких судах и советах, через которые безграмотные и консервативные старики делали первые шаги к более цивилизованной администрации. Некоторые из них вообще не видели места для себя в этих институтах. Они впитали дух национализма, изучили антиимперскую литературу, и настолько не доверяли англичанам, что невозможно было их убедить в желании Британии ускорить прогресс их страны. Интересно, что Перхем не считала все это явлением, достойным сожаления. Без создания образованной элиты, считала она, было бы невозможно управлять Нигерией.

А каковы были последующие события? Сформулированная в 1944 году линия Британии по предоставлению независимости Нигерии представляла собой определенный зигзаг в политике колониальной администрации. Широко разрекламированный доклад Артура-Крич-Джонса - "Установки местного правительства" (февраль 1947 г.), был скорее инструментом, чем советом, призванным способствовать переходу к демократической системе. Тем

не менее колониальный чиновник мало кого обманул рассуждениями о невозможности местного правительства в русле косвенного британского правления. Меньше всего заблуждались в этом эмиры и вожди Нигерии. Им было яснее ясного, что времена изменились. Никто уже не собирался досконально следовать инструкциям политического меморандума Лугарда, выпущенного в качестве руководства 40 лет назад. Пришло время иного политического стиля: как на уровне местного правительства, так и на национальном уровне, предпочитались конкурирующие политические партии и свободно избираемые лидеры. Короче говоря, фокус власти и правительства переместился на 180°, места бывших правителей заняли национальные лидеры. Глас народный уже не совпадал с голосом малочисленной элиты, как утверждал обратное четверть века тому назад губернатор Клиффорд. Причем почву из-под ног нигерийских эмиров выбили именно те, кого они считали своими верными союзниками - колониальная администрация.

На протяжении последующих двух десятилетий до падения первой республики в 1966 году традиционные представители Нигерии, в особенности в эмиратах, постоянно испытывали на себе кризис за кризисом. Не успел Балева начать наступление против Национального правления, как северное региональное Правительство утвердило статус Единственного Национального Правителя и начало местные реформы Пот-Маддоков. Не успели эмиры освоиться с вызовом радикальной анти-монархической НЕПУ, как возникла угроза со стороны радикализма НПС, был создан пост министра местного правительства и выборного Премьера. Не успели тради-

ционные правители вздохнуть с облегчением, избавившись от реформ Хадсона, как обнаружили, что назначение лидеров попало в руки политиков вместо британского государства.

Антагонизм между традиционными правителями и политиками достиг таких масштабов, что затмил все бывшие политические неурядицы. Характерно, что после прихода к власти военных в 1966 году эмиры не столько жалели о потере власти и жертвах, сколько радовались поражению политиков.

Вскоре выяснилось, что традиционные правители потеряли власть над армией, над землей, большую часть своего влияния, а в результате прихода к власти гражданской администрации Второй Республики и собственный форум в лице Палаты правителей. При следующем правительстве они были свидетелями унижения двух высших правителей - эмира Кано и Оони Ифа. Еще больше они были травмированы указанием военного правительства о том, что эмиры не имеют права покидать свои владения без разрешения власти.

Серьезные разногласия сохранились и при Третьей Республике. Конечно, было бы наивно полагать, что традиционные правители без борьбы отказались бы от власти. Поэтому данная проблема и по сегодняшний день волнует широкую общественность континента. Не случайно место и роль вождей в Африке стали темой конференции в Ибадане (1984 г.), Кадуне (1986 г.), Со-кото (1986 г.). По убеждению дальновидных политиков роль традиционных правителей Нигерии повлияет и на всеобщие выборы 1992 года.

Научный анализ социально-политических результатов системы "косвенного управления" во многом поможет ученым и практикам разобраться в драматических эпизодах внутривластной жизни уже освободившихся стран Африки (в первую очередь это страны, где насаждалась система Лугарда).

Тот факт, что с 50-х годов средние слои уже широко представлены в местных администрациях, свидетельствует о социальной переориентации англичан. Американский историк Барстон именно отсутствие у местного самоуправления опыта считал главной причиной политической нестабильности многих африканских государств, и это в определенном смысле справедливо, т.к. социальная переориентация англичан опоздала, и средние слои (не только в Нигерии) не успели приобрести политический опыт на местах. В Нигерии лишь непосредственно перед освобождением страны власть начала учитывать торговые и профессиональные интересы средних классов. Основные посты в местной администрации занимала колониальная элита, происхождение которой нельзя связать ни с традиционным обществом, ни с местной социальной структурой. Она искусственно насаждалась колонизаторами и верно им служила. Элита не выражала ни интересы средних классов, ни связанных с местной структурой традиционных правителей. В такой ситуации введение местного самоуправления влекло за собой обострение внутренних противоречий, поскольку власть на местах переходила в руки представителей колониальной элиты, оторванной от общественной жизни в провинциях. Таким образом, англичане сохраняли полный контроль над администрацией, эко-

номикой и политикой.

Не только англичане способствовали возникновению в колониях служащей интеллигенции, своеобразного слоя, который фактически был результатом культурной трансплантации. У этих людей, воспитанных на чужой культуре, была разорвана связь с собственным народом, их мало интересовали социальные и политические проблемы африканского общества. В главных вопросах они, как правило, ориентировались на европейцев и выполняли возложенную на них функцию защитников "порядка и законности". Претендовать на какой-либо социальный статус они не имели оснований из-за близости к англичанам.

Закономерно, что вышеупомянутая элита вызывала отрицательное отношение к себе, и лидеры национально-освободительного движения Нигерии с особой резкостью выступали против нее. Они утверждали (не без основания), что колонизаторы уготовили последней миссию "троянского коня". Хотя англичане еще в 40-е годы начали думать о создании этого искусственного слоя, в то же время не секрет, что опираясь на чиновничью элиту, нельзя рассчитывать на длительную перспективу. Разве что этим можно объяснить поиски колониальной администрации, начиная с 50-х годов, союза с уже "созревшим" средним классом. Создается впечатление, что старый союзник - традиционнo правящий класс - потерял цену в глазах англичан, стремящихся завоевать те слои, против которых столь долгое время использовали именно вождей. Но все это еще не означает, что колонизаторы раз и навсегда отвернулись от класса, с чьей помощью проводили в жизнь систему "косвенного управления". В традиционном обществе вожди по-

прежнему сохраняли большую психологическую силу и еще могли быть полезны англичанам. В то же время надо принять во внимание, что сдвиги в социальной сфере, в экономике и технике поставили под сомнение перспективу власти вождей и необходимость взаимопомощи традиционных правителей, что еще прочнее связало их друг с другом. Наверное, именно это имел в виду английский африканист Бреттон, когда писал о событиях 50-х годов в Нигерии: "Фактически местные правители стали защитниками колониального *stat quo*".

Естественно, что национально-освободительное движение серьезно затронуло интересы и феодально-патриархального класса. Тут же следует учесть и то, что движущей силой антифеодального движения, как правило, является крестьянство, а основная масса крестьянства в Нигерии оставалась политически индифферентной. Поэтому в той же Нигерии организацию антифеодальной борьбы взяла на себя группа молодых националистов, возглавлявшая антиколониальное освободительное движение. Из-за того, что антиколониальное движение на Юге имело более широкие масштабы, чем на Севере, антифеодальное движение в целом по стране в 50-е годы не приняло широких масштабов; с другой стороны, именно сильная политическая позиция феодально-патриархальных слоев обусловила сравнительно слабые формы антиколониального движения в Северной Нигерии. Поэтому не приходится удивляться, что после достижения страной независимости в руках северных феодалов сохранилась высшая законодательная и исполнительная власть. Здесь же практически нетронутой осталась феодальная социально-экономи-

ческая структура.

В условиях нарастания антиколониального движения "косвенное управление" должно было помочь британскому режиму в защите архаичных форм власти. И естественно, что "косвенное управление" сделалось объектом острой критики лидеров антиколониального движения. С этой точки зрения примечательна опубликованная молодежным движением Нигерии "Лартия молодежи", в которой говорилось: "Мы принципиально против термина "косвенное управление". Честные отношения подразумевают прямое управление Британии, которое в конечном счете нацелено на самоуправление. Поэтому мы боремся за уничтожение системы "косвенного управления".

В новой ситуации отрицательные стороны "косвенного управления" особенно наглядно проявились в Северной Нигерии. Когда в результате социальной переориентации колониальной администрации встал вопрос о привлечении в местные органы управления средних классов, выявился острый дефицит подготовленных к административной работе африканцев. Последовательно проводившийся англичанами в колониальный период курс на регионализацию утвердил в африканском чиновничестве сепаратистскую психологию "ничего удивительного, что после достижения независимости для них уже были чужды общие государственные интересы".

В официальных английских правительственных кругах после 50-х годов система "косвенного управления" упочинается, как правило, в прошедшем времени. Везде поддерживается "коренная реорганизация" системы, которая, в конечном счете, должна при-

вести к ее полной ликвидации. В то же время конкретные задачи реформ 50-х годов были мотивированы необходимостью более тесных контактов эмиров с их советами. Таким образом, несмотря на официальное признание кризиса системы "косвенного управления" колониальная администрация продолжала считать своей главной опорной силой эмиров и традиционных вождей Северной Нигерии. Узаконив децентрализацию, англичане сохранили феодалам Севера господствующее положение. С другой стороны, путем сохранения в государственной структуре страны большого удельного веса Севера, англичане рассчитывали на долгое время обеспечить себе право решающего голоса уже в свободной Нигерии. Итак, в основе далеко идущей британской неоколониальной стратегии лежало "особое положение" закаленных системой "косвенного управления" традиционных правящих кругов.

Сегодня, воспитанное на горьких уроках военных переворотов и гражданских войн, поколение нигерийцев совершенно справедливо считает систему "косвенного управления" одной из главных причин трудностей, стоящих на пути свободного развития страны.

Основные научные положения, содержащиеся в представленной к защите диссертации, отражены в следующих работах соискателя:

1. "Пути и перспективы развития стран Африки", "Мнатоби", 1967, № 4. (На груз.яз.) - 1 п.л.
2. "Социально-политические последствия английской колониальной политики в Африке", "Народы Азии и Африки", 1970, № 4. 0,7 п.л.
3. Новейшая история стран Азии и Африки, изд-во ТГУ, Тбилиси, 1970. (На груз.яз.). - В соавторстве, 30 п.л.

4. Современные проблемы национально-освободительного движения, "Сაბოტა საქართველო", Тбилиси, 1972. (На груз.яз.) - 14 п.л.

5. Роль национальных концепций в молодых государствах Азии и Африки, "Подна", Тбилиси, 1975. (На груз.яз.) - 1 п.л.

6. Африка - первые шаги свободы, ТГУ, Тбилиси, 1977. (На груз.яз.) - 16 п.л.

7. Основные принципы английского колониального управления, "მეცნიერება", Тбилиси, 1978. (На груз.яз.) - 10,75 п.л.

И. Утмуца

ტინტაძე იოსებ პავლეს ძე

ბრიტანეთის კოლონური მმართველობის ძირითადი

პრინციპები

(წიგნების მაგალითზე)

Бесплатно

Заказ 2858

Тираж 100

Типография АН Грузии, Тбилиси 380060, ул. Кутузова 19